

селков говорит: „Мономах старается до овладения Киевом идти в ногу с общественным церковным настроением Киева, расположить к себе свою русскую настроенностью в церковных делах... здесь, конечно, с умыслом пропущено упоминание митрополита — черта понятная и дорогая для киевских общественных кругов“.<sup>1</sup> В Печерском монастыре как центре церковно-общественной жизни была наиболее действенна идея независимости русской церкви от константинопольского патриаршего престола, и Даниил, подобно Владимиру Мономаху, намеренно пропускает упоминание митрополита, которым в то время был грек Никифор.

Как последователь народного направления Печерского монастыря, в котором, по словам историка, „никакие княжеские которы, никакие родовые взгляды не заглушают идеи единства Русской земли“,<sup>2</sup> Даниил стоял выше этих родовых взглядов, когда вписывал в свой помянник в лавре св. Саввы имена и великого князя Святополка с Владимиром Мономахом, и враждебного им Олега Святославича.

Описание Палестины игумена Даниила является внешне более сухим и деловитым, чем описание англосакса Зевульфа, бывшего там, приблизительно, лет на десять раньше Даниила (1102—1103 годы). Зевульф, имеющий сведения по древнегреческой литературе и римской истории, в лирической форме передает испытанные им впечатления и создает живое, образное, очень эмоциональное и полное трагизма описание шторма у берегов Яффы (Июппи). Он дает описание палестинских дорог, где валяются трупы людей, убитых сарацинами и изъеденных дикими животными.<sup>3</sup> Таких сильных картин у Даниила нет. Только рассказ о „святом свете“ написан им в форме сочного жанрового рассказа; вообще же, Даниил не углубляет своих впечатлений. Он сообщает, например, что на горе Елеонской „есть столпник, муж дивен и страшен видом, и стар деньми“,<sup>4</sup> и идет дальше. О горе Фавор, с которой связан один из наиболее важных в евангельской истории рассказов, говорит: „Есть же гора та вся камена, ити на ней трудно и бедно добре; есть места такие по камению лезти на ню, руками держася; путь тяжек вельми, одва на ню възлезохом“,<sup>5</sup> — и это небольшое описание, в котором несколько отразились личные впечатления, значительно выделяется из общего небогатого живописью рассказа Даниила.

Скупость описаний Даниила зависела как от общего уровня литературных интересов его эпохи, так и от поставленной Даниилом главной цели — возбудить религиозные воспоминания, связанные с теми или иными местами Палестины, а для этой цели подробные описания были вовсе не нужны. Не исключена возможность зависимости Даниила от источников его сведений, какими могли быть императорские дорожники, *itineraria annotata*, которые составлялись для чиновников и для войск и содержали самые краткие описания, а также данные о расстояниях, на что Даниил обращает большое внимание. В этом сказался житель обширных пространств земли, для населения которого расстояния имели самое существенное значение.

Но несмотря на характер изложения и содержания, в целом „Хождение“ представляет большой географический труд, тогда как

<sup>1</sup> М. Приселков, ук. соч., стр. 312.

<sup>2</sup> Там же, стр. 301.

<sup>3</sup> Путешествие Зевульфа в Святую землю. Перевод П. В. Безобразова. Православный палестинский сборник, т. III, вып. 3, 1885, стр. 259—291.

<sup>4</sup> Норов, стр. 48.

<sup>5</sup> Там же, стр. 126—127.